

Любовь в котле у ведьмы

Эва Мун

Эва Мун

Любовь в котле у ведьмы

<https://litres.ru/74215453>

Аннотация

В уютном городке, где магия пахнет цветками незабудки, а по утрам на листьях блестит заговоренная роса, живет Ханна. Она знает, какая трава лечит детские обиды, а какое зелье согреет душу холодным вечером. Ее жизнь — это размеренное варение отваров, помощь соседям и тихие беседы с котом.

Все меняется, когда с проверкой является инспектор магического правопорядка Тобиас — педантичный и красивый блюститель правил. Случайная ошибка — и он по ошибке выпивает зелье ясности, которое обнажает скрытые чувства.

В книге вас ждет:

☆☆ Настоящие рецепты волшебства — почувствуйте себя ведьмой у котла ☆☆ Атмосфера Disney — уют и очарование «Красавицы и Чудовища» и «Рапунцель» ☆☆ Строгий инспектор vs. солнечная травница — любовь наперекор правилам

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	14
Глава 3.	23
Глава 4.	32
Глава 5.	41
Глава 6.	51
Глава 7.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1.

«Ну, хорошо, ведьма, так ведьма.

Очень славно и роскошно».

— М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Дрожащий луч рассветного солнца прорезал туман и осветил полянку, покрытую плотным, сочным папоротником. Ханна, затаив дыхание, наблюдала, как он ползет по растению, возле которого она расположилась. Когда солнце подсветило капли росы на зеленых, шершавых стеблях, в середине соцветия вспыхнул алым цветок невиданной красоты.

— Есть! — Ханна проворно срезала бутон и убрала его в заранее подготовленный холщовый мешок.

Папоротник цвел всего одно мгновение. И чтобы добыть его цветок, требовалось недюжинное усилие. Цвели раз в год, на рассвете, в самую короткую летнюю ночь. Нужно было еще угадать, у какого растения появится бутон. За неделю до этого Ханна обошла все лужайки и рассмотрела все растения. Этот куст ничем не выделялся среди остальных, но что-то ей подсказывало, что именно у него стоит провести это утро. А она привыкла доверять своему чутью.

Это был ее первый цветок папоротника, который она собрала самостоятельно. От радости и воодушевления она даже слегка подпрыгнула.

— Видишь, Шай, — она наклонилась к черному коту с

блестящими желтыми глазами, который топтался на мягком мху возле ее ног. — А ты все говорил: «Не смогу, не смогу». Что теперь скажешь, мордочка усатая?

— Мяу!

— Вот то-то и оно, — добродушно кивнула Ханна и присела, чтобы почесать кота за ухом. — Пойдем. Нужно открывать лавку.

Девушка выпрямилась, зевнула и потянулась. Нередко ей приходилось вставать до восхода солнца, чтобы собрать нужные травы, но как же она любила понежиться в кровати подольше! Но посетители не ждали, и опаздывать было нехорошо. Она повязала мешочек с цветком на пояс, спрятала под плащом и, подхватив юбки, поспешила из леса в сторону просыпающегося городка, из которого уже вовсю доносилось пение петухов.

Шай не отставал от хозяйки и семенил следом, почти не касаясь влажной земли черными лапками. Вдруг кот низко заурчал и сделал предупреждающее «Мяу!».

Ханна оглянулась на кота и повернула голову в сторону взгляда желтых глаз. Под небольшой сосной пытался спрятаться человек в сером плаще. Ханна сощурила глаза и узнала мужчину по редкой седой бороде, выглядывающей из-под накинутаго капюшона.

— Доброе утро, сеньор Зильберман! — громко крикнула девушка и активно помахала рукой. — Как улов в этом году?

Старик вышел из-за дерева, зло зыркнул на Ханну, про-

бурчал что-то нечленораздельное и поспешил укрыться в чаще.

Ханна посмеялась себе под нос и продолжила путь, не смущенная таким поведением старика. В их городе он был уважаемым алхимиком, но брал за свои растворы непомерную цену, чем привлек большую часть жителей искать помощи в лавке у Ханны. Она было сунулась к нему за советом и предложила поискать цветок вместе, а если соберем — высушить и поделить пополам, но Зильберман выдавил сквозь зубы, что не станет помогать какой-то там травнице и если ей нужен цветок, то пусть добывает его сама.

По его выражению лица девушка догадалась, что в этом году его постигла неудача. Но она быстро отогнала мысли про алхимика и вприпрыжку спустилась с холма, напевая себе под нос песенку. Некоторые жители уже проснулись, и фермер, перекидывавший тюки с соломой, приветственно поднял шляпу, увидев молодую девушку с зардевшимися алыми щеками от утреннего прохладного воздуха.

Ханна остановилась у загона, похлопала по карманам и выудила из одного сочное яблоко. Рябая кобыла, пасшаяся неподалеку, дрогнула ушами и поспешила полакомиться угощением.

Погладив животное между глаз, девушка поспешила дальше. Ее дом, доставшийся от бабушки, находился на небольшой торговой площади, за лавкой портнихи и чайной. Пока она спускалась, утро наступило, и продавцы уже вовсю от-

крывали двери для посетителей, город начал шуметь. Из булочной пахло сладкой выпечкой и корицей. Пастух выводил небольшое стадо овец на пастбище, где-то вдалеке раздавался звон кузни. Она зашла к пекарю за свежим хлебом, а у молочника прикупила головку сыра. Не удержавшись, начала есть хрустящую корочку по дороге, и когда дошла до лавки, от хлеба осталась половина.

Звякнула ключами, попыталась открыть дверь, но та не поддавалась. От дождей дерево разбухло, и Ханна каждый раз мучилась, возвращаясь домой.

— Мяу!

— Знаю, — вздохнула девушка. — Вызову я плотника.

Кот запрыгнул на скамейку рядом с дверью, обернул себя хвостом и недовольно шурился от слепящего солнца, а может быть, и от беспечности хозяйки. Девушка налегла плечом на дверь, и та наконец отворилась с глухим стоном.

В нос ударили запахи мяты, горечь полыни и сладость луговых трав. Такой плотный, что Шай чихнул, вдохнув его после свежего воздуха. Пахло сушеным чабрецом, воском от свечей и сладковатым дымком из камина. На очаге стоял закопченный чайник, засаленный гримуар с рецептами лежал открытым на столе, а на подоконнике стояли в ряд лейки для полива горшечных растений.

Девушка прошла за прилавок вглубь магазина, где находился ее кабинет. Спрятала добытое сокровище подальше от посторонних глаз. Скинула с себя плащ и повязала белый

фартук поверх зеленого суконного платья. Прошлась по лавке, открывая ставни. На дверь при входе повесила пучок зверобоя и зажгла фонарь, чтобы привлечь посетителей.

Пока народ не хлынул, позаботилась о питомце, налив ему в миску жирных сливок. Шай, мурлыкнув, тут же принялся поглощать угощение.

Девушка остановилась посреди комнаты, уперев руки в боки, и внимательно осмотрела углы. Ну вот, как и думала: там и сям валялись дурные мысли, оброненные, видимо, кем-то из покупателей, а может, и ею самой. Возле порога было даже липкое пятно злости. Ханна поцокала языком и поискала за прилавком метлу из прутьев березы. Та отлично справлялась с уборкой не только пыли, но и таких неприятностей. Она побрызгала дощатый пол водой, настоящей на серебре, открыла дверь пошире и начала подметать. Комнату наполнил смех ребятни с улицы и лай собак. Эти сорванцы, только солнце встало, продирали глаза и носились по площади, купаясь в фонтане.

Когда от грязи и плохих мыслей не осталось и следа, девушка спрятала метлу и устало вытерла вспотевший лоб о передник. Свежий морской ветерок залетел в лавку, кружа на полу розовые лепестки вишни. Тут же запорхала белая бабочка, привлекая внимание Шая. Кот запрыгнул на стол, а с него в энтузиазме погони угодил в котел, где кис вчерашний отвар, который Ханна забыла разлить по склянкам. Кот взвизгнул и выскочил из котла, как ошпаренный, весь мок-

рый от зеленой жидкости.

Ханна с круглыми глазами смотрела на учиненный бардак и перевернутый котел, из которого капало густое зелье. Шай сел и с недовольным видом начал вылизываться, прежде чем хозяйка успела крикнуть:

— Стой! Это же сонное... — кот закатил глаза и шмякнулся на пол, — зелье.

Девушка приснула, подхватила кота на руки и почистила податливое тельце порошком из корня мыльнянки. Уборку пришлось отложить — в лавку начали подтягиваться люди.

У сеньоры Блюм закончился крем, и статная, красивая женщина требовала у Ханны продать все имеющиеся запасы. Девушка окинула взглядом внешность посетительницы. Эффект от крема был, что сказать, на лицо. Морщин у женщины поубавилось. Лицо светилось здоровым румянцем и сверкало на солнце, как намаженный блин.

— Вы пользуетесь средством, как я вам рассказала? — Ханна в сомнении подняла бровь. — Каждый вечер наносите тонким слоем?

— Да-да, — отмахнулась женщина, сжимая сумочку, расшитую бисером, красными ногтями.

— Будьте осторожны, — предупредила девушка. — Крем сделан из пыльцы омелы, и если его наносить в больших количествах, он приманивает мух и пчел.

Блюм резко выпрямилась, но ничего не сказала. Ханна на-

клонилась за прилавком, чтобы достать две баночки крема, и спрятала улыбку. Она заметила на груди у сеньоры след от укуса и застрявшее пчелиное жало. Иногда жадность доводила до больших бед, но Ханна надеялась, что женщина впредь будет аккуратнее.

Время до вечера пролетело незаметно. Посетители заходили один за другим. И для каждого у Ханны находилось свое средство. Были и богатые сеньоры, как Блюм, которые в основном притоваривались средствами для молодости и поддержания духа. Кто-то хотел избавиться от надоедливых бородавок, а кому-то докучали ночные кошмары. Зашел и фермер, чья корова мучилась от вздутия живота.

Ханна искала нужные капли, а фермер все возмущался: — Ума не приложу, где она наелась бродящей травы? — Мужчина снял шляпу и почесал волосы. — У нас на пастбищах давно ее нет.

Девушка сдула черную челку со лба и тоже нахмурилась. Она сама лично обходила луга и не замечала ростков этой травы, которая выделялась своим ярко-бордовым цветом.

— Дайте ей несколько капель этого, — девушка поставила на стол небольшой пузырек. — А я загляну и посмотрю, в чем дело.

Фермер поблагодарил и, помимо оплаты за лекарство, оставил корзину спелых груш. Их аромат быстро заполнил лавку, и Ханна, не удержавшись, надкусила одну. Мякоть была до того нежной и сочной, что ей показалось, она не съела

грушу, а выпила ее. Девушка отнесла корзину в небольшую квартиру, которая находилась над лавкой.

«Нужно будет испечь пирог, пока они не испортились», — подумала девушка.

Она спустилась вниз. Шай уже отошел от действия зелья и сидел на полу с ословелым взглядом.

— Что, усатик, — посмеялась она. — Хорошо поспал?

Кот смерил ее недовольным взглядом желтых глаз и зашипел на пустой котел. Ханна устало опустилась в кресло-качалку и приманила питомца, который лениво запрыгнул ей на колени. Она рассеянно гладила его за ухом и смотрела на улицу через открытую дверь. День близился к концу. На улице собирались сумерки. В городе стало тише, и влажный воздух с моря хорошо разгонял удушливую духоту летнего дня. Ханна прикрыла на мгновение глаза и незаметно для себя задремала.

— Ты опять бродила по лесам ни свет ни заря?

Звонкий голос вывел Ханну из состояния дремы. Она потянулась. Шай, недовольный, что его потревожили, заурчал. Она протерла глаза и увидела сидящую на прилавке и болтающую ногами Сару, свою давнюю подругу, которая держала лавку по соседству.

— Ага, — зевнула девушка, прикрывая рот рукой. — Но зато добыла цветок.

— Ничего себе! — сказала Сара, встряхнув золотистыми кудрями. Она взяла пузырек с прилавка и с интересом кру-

тила его в руках. — Уже знаешь, что сделаешь из него?

— Есть идея, — хитро улыбнулась Ханна, и подруга рас- смеялась.

Вопрос Сары навел девушку на размышления. Она не хоте- ла использовать цветок для своих обычных зелий. Нет. Та- кой продукт должен был быть использован для редкого от- вара. У Ханны и правда было несколько идей, но чтобы их воплотить, нужно было провести не один день возле котла, тщательно взвешивая ингредиенты и разрабатывая рецепт. Ух, и долгая предстояла работа, но какая интересная!

— Натан вернулся.

Ханна так резко повернула шею в сторону Сары, что ее чуть заломило.

— Ах! — Девушка потерла плечо. — И ты говоришь об этом только сейчас?

Сара беспечно пожала плечами, но Ханна знала, что по- друга только старается выглядеть равнодушной. Возвраще- ние в город бывшего возлюбленного явно пошатнуло ее при- вычный мир. Ханна шумно вздохнула и откинулась на спин- ку кресла. Подруга только начала приходить в себя, залечи- вая разбитое сердце. Ханна бы не жалела ни сна, ни отдыха, чтобы помочь подруге, но в ее арсенале не было зелья, кото- рое бы усмирило сердечные муки.

— Ты видела его?

На голубые глаза Сары налетела тень. Она сморщила вздернутый носик и со смешком сказала:

— Это было ужасно. Я как раз доставляла заказ и увидела, как он выходит из чайной со своей новой девушкой.

Натан и Сара провели вместе все прошлое лето. Сара была так счастлива, и Ханна думала, что предложение руки и сердца не заставит себя долго ждать. Но осенним днем Натан сказал, что не может жениться на простой портнихе. Его отец, сеньор Альдо, был главой гильдии торговцев. А новая избранница Натана — дочерью владельца флотилии кораблей. Все понимали резоны этого брака, что он откроет для дела Альдо новые торговые пути.

Ханна резко вздохнула. Ей в голову пришла идея. А что если Натан заблудился? И ему нужно лишь немного ясности? Убрать шум, страхи и сомнения? Это она могла сделать. Никакое зелье не могло приворожить другого надолго. Напустить дурману, опутать — да. Но поселить глубокие истинные чувства — никогда. А подруга была достойна провести жизнь с искренне любящим ее человеком. Ханна верила, что у Натана есть чувства к Саре, просто он боится давления общества и своего отца. Но она могла слегка подтолкнуть его в этом. В голове молодой травницы зрел план, пока она кивала и слушала, как Сара изливает душу, и надеялась, что он выгорит.

Глава 2.

«Правило 1.4. Любое нелицензированное использование магических веществ есть угроза общественной безопасности, независимо от намерений использующего».

Устав магического правопорядка

Молодой мужчина шел по коридору управления. Его шаги в кожаных сапогах гулко отдавались от каменного пола и разносились по помещению. Глядя на его сдержанный, четкий шаг, никто бы не подумал, что он спешит, но он не останавливался на приветственные кивки и поклоны.

Тобиас нахмурился и недовольно оглядел коридор без окон, по которому невозможно было понять, какое время суток на улице и какая погода. Управление по контролю за оборотом магических веществ находилось в подzemелье здания инквизиции. Ее глава, видимо, верил, что солнечный свет расхолаживает и делает инспекторов слишком мягкими для их работы.

Совещание с ним должно было вот-вот начаться, и Тобиас завернул за угол, где находился зал заседаний. Перед тем как открыть тяжелую дверь, он окинул взглядом свою синюю форму и смахнул с плеча несуществующую пылинку.

За круглым каменным столом уже расположились главы других подразделений. Он занял свое место и принялся слушать отчет главы инквизиции. Совещание проходило как

обычно. Одни и те же вопросы, на которые следовали ожидаемые ответы, а по большей части — отмазки, почему срочные дела не были закрыты в срок. Тобиас позволил себе раздраженно вздохнуть и на мгновение закрыть глаза.

«Неужели это было так сложно? Чем эти главы управлений занимаются на своих местах?» - подумал он.

Их беспечность и неумение контролировать дела в своем подразделении удручали его.

Когда глава инквизиции дошел до Тобиаса и попросил отчитаться по его управлению, тот без запинки выдал информацию о последнем закрытом расследовании. Группа нарушителей в западной части города организовала сбор магических грибов. Одним из свойств которых (после долгого настаивания) было получение раствора, дающего состояние невидимости. На черном рынке они ценились на вес золота. Еще бы! Невидимый вор, который может обокрасть казны всех государств! За распространением грибов зорко следило его управление. Но этим людям как-то удалось вывести их на скрытом от посторонних глаз участке. Весь урожай и споры уже были уничтожены, а виновники посажены в тюрьму и дожидались приговора на виселицу.

За столом прокатилось уважительное бормотание.

«Вот так нужно работать!» — хотел сказать Тобиас, но промолчал.

Глава инквизиции лишь чуть приподнял седую бровь и

никак не отметил успехи Тобиаса, словно это было само собой разумеющееся. Вместо этого он спросил:

— Над чем вы будете работать дальше?

— Подошло время ежегодной проверки всех торговцев, занимающихся продажей магических веществ или использующих их в своем деле. Мои люди проведут проверку составов и наличие лицензий на те или иные магические вещества.

— Хорошо, — инквизитор кивнул и сделал запись на свитке.

Тобиас не отрывал взгляда от крупного мужчины, сидящего во главе стола. В его когда-то полностью каштановых волосах появилось все больше серебристых прядей. Карие, почти черные глаза смотрели холодно и сурово. Тобиас никогда не видел на лице главного инквизитора улыбку. Да и не хотел. Неизвестно, что могло заставить этого человека рассмеяться. Однозначно ничего хорошего. В отличие от остальных, находившихся в помещении, его форма была черного цвета. Когда-то он сам проводил задержания опасных преступников, но с тех пор утекло много воды. Однако его фигура все еще сохраняла былую мощь: широкие плечи и сильные руки выделялись сквозь ткань формы. Над его правой бровью начинался шрам, пересекающий половину лица. Он достался ему при задержании одной из самых опасных ведьм столетия. Тобиас тогда был совсем мал, но слышал эту историю не раз.

Инквизитор закончил совещание и всех распустил. Тобиас покидал помещение одним из последних. Его коллега из другого управления, рыжий веснушчатый Илия, остановился и бросил ему:

— Отличная работа, Кац. — В его голосе явно звучала колкость. — И как тебе только удалось обнаружить рассадник грибов?

— Кто-то из нас работает, а кто-то посещает дома терпимости, — холодно ответил Тобиас. — Для разнообразия рекомендую иногда попробовать первый вариант.

Лицо Илии вытянулось и покрылось красными пятнами. Он что-то пробормотал, что можно было расценить как оправдание, и поспешил по коридору в свое крыло, не видя, как за его спиной Тобиас расплывается в улыбке.

Что поделать, он был хорошо осведомлен о любимом времяпрепровождении инспектора. По правилам он должен был доложить главному инквизитору, но Тобиас был не из тех, кто бежал с доносами. Зато он мог предупредить человека, как сделал сейчас, чтобы тот сделал выводы. И если это знал он, то не нужно было быть гением, чтобы понять: скоро об этом узнает и инквизитор.

Тобиас тоже поспешил в свой кабинет. По дороге ему встретился его секретарь, Джеремайя. Тот был совсем мальчишкой и только начал работать в управлении. Был неуклюж, робок и часто совершал ошибки, но Тобиас верил в него и видел, что из парнишки выйдет толк в будущем, по-

этому старался научить его всему, что знал сам.

— Что у нас? — спросил Тобиас, не останавливаясь.

Джеремая, стараясь подстроиться под широкий шаг инспектора, семенил рядом с ним по коридору. Он поправил съехавшие на нос очки и зашуршал бумагами, пытаясь найти список, в котором распределил проверки среди инспекторов.

— Ох, да где же... — он послунывил пальцы и порылся в бумагах. — Никак не могу найти...

— Этот? — спросил Тобиас, вытягивая из кипы бумаг нужный список.

— Да.

Джеремая начал рассказывать, как распределил инспекторов, но Тобиас слушал вполуха, изучая документ.

— Не пойдет. Берга нужно отправить к старушке-знахарке. Отправлять его с проверкой к Зильберману — все равно что оставить кувшин вина перед пьяницей. Зильберман может откупиться. Пошли к нему кого-нибудь из новеньких. А со старушки нечего взять.

Джеремая заскрипел пером, записывая на ходу распоряжение. Он нахмурил свои русые брови и спросил:

— А почему мы тогда вовсе не уберем Берга с этой должности, если он такой человек?

Тобиас на мгновение сбился с шага, но с довольной улыбкой повернулся к помощнику и потрепал его по плечу:

— Все не так просто.

Он снова вернулся к списку и продолжил изучать его. На фамилии «Гольдберг» его взгляд остановился дольше обычного, а в груди появилось неясное волнение. Он даже приложил руку к форме и потер область сердца, стараясь избавиться от этого ощущения. “Нужно будет обратиться к лекарю”, — мысленно отметил он, чтобы узнать, в чем причина.

Он посмотрел на черные буквы. «Гольдберг». Он был хорошо осведомлен об этой молодой травнице и не раз видел ее в городе на праздниках или бродящей по лесу в неподобающее для такой юной сеньориты время суток. В голове всплыл ее образ: кожа белее первого снега, черные до пояса волосы, колдовские изумрудные глаза, губы краснее спелой клубники. С ее лица не сходила улыбка, а ее смех, такой же звонкий, как всплеск воды в лесном ручье, зазвучал у него в ушах. Сердце кольнуло еще раз, и Тобиас подумал, что покажется лекарю уже сегодня.

Он знал и ее бабушку. Та держала лавку сколько он себя помнил, а в прошлом году, когда она скончалась, дело перешло в руки внучки. Громкая слава об отварах сеньоры Гольдберг уже разнеслась по городу. Нужно было посмотреть, как молодая травница продолжила дело бабки, и сделать это нужно было самолично. Старушка Гольдберг вела документацию исправно, комар носа не подточит. А вот приняла ли порядок бабки внучка — еще нужно проверить.

— Сеньоре Гольдберг я проведу проверку самостоятельно.

Джеремайя послушно записал, но потом остановился и перевел взгляд на инспектора:

— Но, ваша светлость, у вас столько дел! Задержанные ждут допроса, и вы помните, что нам донесли о возможной контрабанде на кораблях, которые прибывают из Элидора?

— Мы все успеем, — уверил помощника Тобиас.

Они подошли к кабинету, и Джеремайя распахнул двери, пропуская инспектора. Тобиас сразу прошел и сел за свой стол. На нем все было в идеальном порядке. Заточенные карандаши лежали ровным рядом, бумаги были отсортированы по нескольким стопкам: на подпись, для рассмотрения, новые дела и разное. В кабинете, как и во всем здании, не было окон, но было зажжено несколько ламп, поэтому было достаточно светло и даже уютно, несмотря на то что основную часть пространства занимали шкафы с документами и книгами различного процессуально-магического законодательства.

В углу кабинета располагался стол Джеремайи. Позади его стула висели вырезки из газет и различные указы, в которых упоминались заслуги и отвага Тобиаса. Сам инспектор всегда недовольно вздыхал, когда его взгляд падал на эти вырезки. Он несколько раз просил помощника убрать их, но в этом вопросе Джеремайя проявил невиданную твердость.

— Корабли прибывают в полночь, — продолжил прерванный в коридоре разговор Тобиас. — Организуем засаду и сразу же, как он причалит, произведем досмотр. Не нужно

много людей, — он зыркнул на помощника. — Троих вместе со мной будет достаточно. Можешь собрать, как обычно. — Тобиас имел в виду людей из его управления, с которыми он чаще всего отправлялся на такие обыски и задержания. С ними он прошел уже не одну перепалку, и эти ребята знали, что делать. В них он был уверен. — Ты знаешь, операция должна пройти секретно. Слухи быстро разносятся. Нам не нужно, чтобы это дошло до торговцев, и они сменили курс или сбросили товар в воду.

— Я прослежу, — кивнул Джеремайя.

Он разложил новые документы и показал Тобиасу, какие требовали внимания в первую очередь. А после покинул кабинет, чтобы оповестить других инспекторов об операции лично.

Тобиас вздохнул и пододвинул ближе стопку бумаг. Он погрузился в чтение первого доклада, и вскоре для него перестал существовать окружающий мир. Остались только законы, формулировки и показания. Он изредка отвлекался и брал с полки нужную книгу, чтобы свериться, но по правде говоря, этого и не требовалось. Он знал их наизусть, ведь еще задолго до поступления в академию начал их изучение. Другие дети читали на ночь приключенческие романы, Тобиас же засыпал, обнимая затертый до дыр том «Природа магии: от хаоса к закону».

Так незаметно пролетел день. Все дела были разобраны, на полях были оставлены пометки для канцелярии. Тобиас

поднял голову, когда по зданию прокатился звон, оповещающий об окончании рабочего дня.

Он собрал свои вещи и поспешил в конюшню за своим верным скакуном. Конечно, ему больше нравилась оперативная работа. Сидеть в засаде на болоте, окруженным и съедаемый комарами, может, было и не очень приятно, но опасность разгоняла его кровь. В бумажной работе были свои плюсы, но он был рад, что отводит этому один день в неделю.

Удовлетворенный тем, сколько сегодня успел сделать, он оседлал коня и поспешил в свое поместье.

Глава 3.

«...старый Густав снова приходил и ворчал на свою тещу больше обычного. Отвар от подагры помог, но язык у него стал острее ножа.

Долго думала, нет ли в моем рецепте ошибки? И ведь нашла.

Оказывается, если резать корень ревеня поперек волокон, он дает горечь, что провоцирует желчь в речи. Нужно строго вдоль, тогда можно избежать этого побочного эффекта».

Запись из дневника Ханны

Ночь опустилась на городок, засияли звезды. На небосклон выкатилась полная луна, заливая улицы серебристым светом. Ханна открыла окно и вдохнула прохладный воздух, пахнувший солью с моря и сладостью нагретых за день роз из палисадника. Громко пели сверчки, с площади тоже доносилось пение, но уже не сверчков, а ночных гуляк.

Время пришло. Ханна спустилась в сад и под внимательным взглядом Шая и света луны ровно в полночь собрала несколько цветков незабудки. Она долго думала над составом зелья, которое могло бы убрать страхи и сомнения в мыслях Натана, и пришла к выводу, что без этого цветка дело не выгорит.

Шай с любопытством заглянул в корзинку и одобрительно

мурлыкнул. Ханна поспешила в дом, в свой кабинет, где ее дожидался котел и остальные ингредиенты. На столе царил бардак: гримуар валялся открытым на странице «зелья истины», как назвала его Ханна. Прямо на книге стояла колба с ярко-красной жидкостью, отливающей перламутром, — добытой из цветка папоротника. Всюду валялись крошки, семена и сухие ростки, бечевки, ножницы и непонятные порошки. Ханна, однако, отлично ориентировалась в этом хаосе и ловко лавировала в тесной комнатке между котлом и столом.

Она зажгла огонь, и действие началось. Шай запрыгнул на самую высокую полку и оттуда наблюдал за действиями хозяйки. Знал, что в такое время ей лучше не попадаться под ноги.

Первым в котел пошла жидкость из цветка папоротника. Девушка сделала огонь поменьше и стала наблюдать, помешивая отвар строго по часовой стрелке. Помешивать так же нужно было только по краям, не трогая середину. Прошло немного времени, и вот красная жидкость приобрела нежно-розовый оттенок, а сияние перламутра стало больше — теперь комната больше освещалась не лампой под потолком, а свечением из котла. Ханна склонилась над жидкостью и осторожно вдохнула аромат — пахло перцем и еле уловимым цветочным ароматом. Пока все шло по плану.

Она порылась в шкафчике и достала пузырек утренней росы, собранной с паутины. Роса должна была распутать пау-

тину мыслей в голове Натана и послать озарение. Нужно было несколько капель. Если переборщить, то вдобавок к просветлению появилась бы и бессонница. Слишком натянутые и чистые мысли мешали заснуть. Всего должно быть в меру.

Ханна добавила несколько капель с помощью пипетки. Зелье зашипело и приобрело небесно-голубой цвет. Девушка подпрыгнула на месте и захлопала в ладоши. Теперь раствору нужно было немного покипеть.

Тем временем она занялась подготовкой цветков незабудки. Оставила только голубые соцветия и протерла их, чтобы получить сок. Сухие цветки она часто использовала для зелий памяти, когда нужно было вспомнить давно забытое. Но чтобы показать истину, нужен сок из свежих. Он покажет то, что живет в сердце, но прячется.

Комнату заполонил плотный влажный пар от котла, так что лицо Ханны моментально покрылось испариной. Она закашлялась и поспешила открыть дверь и окна. Ветерок быстро выгнал дым на улицу, а Ханна еще помогла, размахивая полотенцем.

Она вернулась к столу и взвесила на бронзовых весах особой точности нужное количество жемчужной пыли. Она должна была очистить чувства от страхов и сомнений. Булькающее зелье поглотило порошок и по консистенции стало напоминать обычную воду. Только цвет остался таким же голубым.

Она помешала, теперь уже против часовой стрелки, и до-

бавила одну каплю сока незабудки. Зелье стало прозрачным, как слеза.

Ханна выключила огонь и снова принялась. Зелье пахло, как надо — ничем. Девушка, довольная, подняла голову. Шай громко мяукнул с верхней полки и спрыгнул вниз. Она накрыла котел крышкой. Теперь оставалось дело за малым. Завтра, когда зелье остынет, она разольет его и постарается добавить Натану в питье. План, как это сделать незаметно, у нее уже имелся. А там останется только ждать, когда счастливая Сара покажется на пороге ее лавки, хвастаясь помолвочным кольцом.

С этими мыслями девушка поднялась в комнату и, едва раздевшись, рухнула на кровать.

Запели петухи. Ханна продрала глаза, потянулась и выплюнула волосы, попавшие в рот, и, не умываясь, побежала вниз, чтобы проверить зелье. За ночь оно не изменилось ни в цвете, ни в консистенции.

— Мяу! — Шай догнал хозяйку и запрыгнул на стол, заглядывая в котел.

— Да, Шай. У нас все получилось, — она улыбнулась и погладила кота за ухом.

Она налила небольшое количество жидкости в пузырек и закупорила крышкой. Оставшееся зелье можно разлить, когда вернется домой. Теперь уж можно было умыться. Девушке даже захотелось принять ванну и смыть с себя вчерашний липкий пот от зелья. Она набрала воду и добавила масла

из цветков апельсина. Долго лежала, отмокая. Затем с методичностью намылила черные волосы твердым куском мыла и окатила себя водой из кувшина. Та уже остыла, пока Ханна нежилась в ванной, и девушка ступила на коврик, стуча зубами и кутаясь в полотенце.

Кожа после масла благоухала и сияла. Ханна окинула себя взглядом в зеркале и осталась довольна. Нужно было пользоваться своими же средствами чаще, но она ленилась и зачастую даже забывала расчесаться с утра, пугая птиц и соседских собак, когда выходила на улицу с вороньим гнездом на голове.

Сейчас она даже растерла несколько капель между руками и нанесла на подсушенные волосы, чтобы те стали мягкими и шелковистыми. В спальне она надела одно из своих любимых платьев из тонкого ситца и завязала волосы лентой. В кошелек вместе с монетами отправился пузырек с зельем.

Она погладила кота на удачу и вышла из лавки. Благодаря рассказам Сары, Ханна хорошо знала распорядок Натана и то, что тот проводит каждое утро в кофейне у Габриэля, попивая эспрессо и читая газету. Она лишь надеялась, что по возвращении в город он не изменит этому ритуалу.

В кофейне, несмотря на раннее утро, уже было несколько посетителей. Ханна окинула взглядом столики и с удовольствием обнаружила, что пришла раньше Натана. Она попросила себе кофе с молоком и свежую выпечку и стала ждать, перекидываясь фразами с Габриэлем, пока тот варил кофе.

Зазвенел колокольчик, и рядом с Ханной зазвучал голос Натана. Она опустила голову и сделала вид, что ее очень заинтересовало сегодняшнее меню, начертанное мелом на грифельной доске.

Он сделал заказ и сел за столом у окна. Девушка открыла сумочку, достала пузырек и, когда Габриэль отвернулся, чтобы налить стакан воды к приготовленному кофе, добавила в него зелье. Все было сделано так быстро и четко, что Ханна улыбнулась во весь рот. А когда заметила, что, повернувшись, Габриэль улыбается ей в ответ, быстро стерла улыбку с лица. Не хватало, чтобы он подумал, что она с ним флиртует. Мужчины ее интересовали в самую последнюю очередь. С ними всегда было много мороки, а потом ходить, как Сара, с разбитым сердцем. Оно ей надо?

Она решила не искушать мальчишку и, пока ела свой круассан и пила кофе, отвечала на его вопросы односложно. Уходить сразу было бы странно. Она украдкой оглядывалась и довольно шурилась, когда Натан делал глоток из кружки. Оставалось надеяться, что зелье сработает и доза была достаточной.

В приподнятом настроении она вышла из кофейни и решила немного прогуляться по городу. Остановилась на площади, послушала трель шарманщика, обсудила вместе с несколькими женщинами в очереди за свежим хлебом богатый в этом году урожай яблок.

Посмотрела несколько новых объявлений и королевских

указов на столбе. В следующем месяце в городе будет организован праздник. Предстоит большая ярмарка, и местные ремесленники могли выставить на ней свои товары. Это была очень хорошая новость. Нужно только подумать, какие отвары и порошки ей подготовить к этому событию, чтобы привлечь к себе больше клиентов.

А вечером будет гуляние с фейерверком. Ханна обожала это зрелище. Она присела на край фонтана, закрыла глаза и подставила лицо мягким солнечным лучам. Глубоко вздохнула, и весь шум площади отошел на второй план. Она чувствовала, как солнечный луч скользит по ее щеке, слегка пощипывая и нагревая кожу. Еще чуть-чуть и она расплавится, растает, как ириска...

Ханна широко распахнула глаза и завертела головой. Ей показалось, что кто-то смотрел на нее. И этот взгляд был таким изучающим и плотным, что у нее даже зачесался затылок.

Она посмотрела в сторону лошадиного стойла возле таверны, откуда, как ей показалось, исходил взгляд, но там был только мощный гнедой конь. Он недовольно бил копытом и встряхивал гривой.

Отогнала солнечную дрему и поспешила в лавку. Там даже не успела переодеться, только повязала передник и занялась обслуживанием посетителей.

Шай помогал, как мог, и Ханна жужжала, как пчёлка. Настроение было отличным. Пузырчатая фиалка, которая цве-

ла на подоконнике, заразилась настроением хозяйки и пускала большие радужные пузыри, которые скоро заполнили всю лавку и медленно плыли, подхватываемые ветром на улицу, к общему восторгу детей снаружи.

Ханна посмеивалась, связывая чабрец в небольшие пучки, чтобы посушить, как вдруг почувствовала в воздухе ощущение грозы. Пузыри фиалки полопались один за другим.

На пороге показалась Сара. На девушке не было лица. Глаза были красные, с носа капало. Даже, кажется, ее золотистые кудри поникли.

— Милая, что случилось? — Ханна поспешила к подруге, взяла ее под руку и усадила в кресло.

Губы Сары дрожали. Она уронила очаровательную головку в руки и всхлипнула:

— Я говорила с Натаном.

Сердце Ханны забилося где-то в горле. Это мало походило на слезы радости. Она попросила Сару рассказать подробнее, а сама кинулась ставить чайник и заварила ей ромашковый чай, который точно поможет ей успокоиться.

— Я снова встретила его в городе. Он был один. И знаешь, — Сара икнула сквозь слезы, — на меня что-то нашло. Ведь он даже не попрощался со мной, когда уехал из города, как выяснилось, на эту помолвку. Ну я ему все и высказала! — Девушка гневно ударила по подлокотникам кресла, так что баночки на столике подпрыгнули. — Сказала ему, что он трус и воспользовался мной и моей влюбленностью.

— А он что? — Ханна замерла, не донеся сахар до кружки.

— А этот баран сказал: «Я ценю наши прошлые чувства, но я женюсь, Сара. Я знаю, что делаю тебе больно этими словами, но это правда», — девушка скорчила гримасу, подражая голосу Натана. — А потом еще добавил, что должен думать о своем будущем. И я тоже должна подумать о своем.

— И что же теперь? — рассеянно спросила Ханна в пустоту.

Сара зло вытерла слезы:

— А ничего. Он сделал выбор. И этот выбор — не я. Видимо, его сердце никогда не принадлежало мне настолько, чтобы пойти против воли отца. — Ханна протянула девушке кружку, та отпила и, уже успокоившись, сказала, покачив головой: — Ты не видела его, Ханна. Он был таким холодным, отчужденным... Это не тот Натан, которого я знала.

Ханна присела рядом с ней на краешек кресла и крепко обняла. На душе скребли кошки, а во рту появилась горечь полыни. Она встретила глазами с Шаем, и в его позе тоже читалось недоумение.

Неужели зелье не подействовало?

Глава 4.

«Доверять можно только протоколу. Показаниям свидетелей — вторично. Слову подозреваемого — никогда».

Устав магического правопорядка

Тобиас откинул каштановые волосы и с силой зажмурил глаза. Молодая сеньора Гольдберг сидела на фонтане и подставляла лицо солнечному свету. От ее фигуры исходило искрящееся воодушевление и радость. Ее облик невольно притягивал его взгляд.

«Что-то здесь нечисто, к бабке не ходи. Может быть, она злоупотребляет пылью солнечника?»

Он сделал себе пометку в уме проверить эту теорию, похлопал Максимуса по крупу и зашел в таверну. Его провели в закрытый кабинет, где его дожидался глава инквизиции.

— Отец, — поприветствовал Тобиас и сел за стол напротив.

Джонатан скупно кивнул сыну, не отрываясь от поглощения наваристой похлебки из сморчков. Тобиас попросил себе того же и скучающе вертел в руках солонку, ожидая, пока отец заговорит. Тот закончил трапезу, крикнул и откинулся в кресле.

— Нужно что-то делать с этими контрабандистами, — он сразу перешел к делу.

— Уже, — Тобиас поднял карие глаза, глядя на отца. Он

был очень похож на главного инквизитора, только цвет глаз и мягкость черт лица достались ему от уже покойной матушки. — Сегодня мы организуем засаду, и с этим делом будет покончено.

— Хорошо, — Джонатан отпил из серебряного кубка. — Проверки распределил?

Тобиас кивнул:

— Я самолично проверю нескольких торговцев.

— Мне не нравится, что ты занимаешься такой мелочью, — нахмурился отец. — Глава управления не должен ходить по знахаркам и упражняться в заполнении протоколов обыска, и возиться с лицензиями. Оставь это дело своим подчиненным. В будущем ты займешь мое место, тебе нужны громкие дела и громкие расследования.

— С вашего позволения, я бы предпочел делать так, как запланировал. И при таких обысках можно обнаружить больше нарушений. Люди склонны к злоупотреблению магическими веществами как раз в быту, что ведет к непоправимым последствиям, — он твердо посмотрел в лицо главному инквизитору, настаивая на своем. — А также это хороший пример моим подчиненным и способ проверки их работы. Мы вместе подвергаем свою жизнь опасности и вместе дышим бумажной пылью.

Мужчина ничего не сказал, лишь согласно кивнул, но в линии его челюсти мелькнуло выражение, которое можно было принять за гордость.

Они еще немного поговорили (конечно, о работе), пока Тобиас ел. Затем Джонатан направился решать инквизиторские дела — на прием к главе гильдии торговцев, а Тобиас отправился в свое поместье.

Он давно переехал от отца и предпочитал жить на краю города, а не в историческом поместье семьи Кац. Его дом стоял вдали от остальных и находился на каменном возвышении практически на краю моря. Со стороны казалось, что достаточно легкого дуновения ветра, чтобы обрушить конструкцию из белых колонн и лепнины в воду. Здесь каждое утро солнце заглядывало в окна, а морской воздух раздувал шторы, будя своего хозяина. Но Тобиас не жаловался. Дом был небольшим, но уютным. Хотя большинство предметов, создающих этот уют, было приобретено его мамой. Это было местом ее уединения, куда она отправилась, когда здоровье подкосило ее.

Инквизитор не любил здесь появляться. Не потому что тосковал по жене — он не испытывал к ней особого трепета и при жизни, их брак был чистым расчетом, — а потому что не любил пустоту и яркость этого пейзажа.

Тобиасу же здесь было, напротив, легко и спокойно. Ночью волны нашептывали колыбельные, солнце согревало, ветер приносил запах нагретых за день трав и цветов.

Он прошел на кухню, расстегнул верхнюю пуговицу формы и взял с подноса ароматный персик. В его саду росло несколько деревьев, и, видимо, его экономка с утра со-

брала созревшие плоды. Он недовольно посмотрел на букет свежесрезанных нарциссов, которые стояли в высокой вазе. Несколько белых лепестков уже облетели и валялись на мраморном столе. Тобиас смахнул их в урну. Он ненавидел беспорядок и мусор. Сколько можно было говорить ей, чтобы она не занималась украшательством его дома?

Он прошел в спальню. Постель была заправлена с воинской аккуратностью. Подушки стояли взбитые, бок о бок, на покрывале не было ни залома, ни складочки. Он снял форму и сразу повесил ее в шкаф, где хранилось в ряд несколько таких же экземпляров. Быстро принял ванну и надел уже черную полевую форму, более удобную и содержащую защиту от заговоров и других магических воздействий. На спину повесил арбалет, а в ножны на сапоге спрятал баселард.

Оседлал коня и пустился в путь. К заброшенному пирсу он прибыл к закату. Воздух нес запах старых, обветшалых рыбацких хижин. Место это не охранялось, но полуразрушенный пирс еще позволял швартоваться. Он спешил с коня и поспешил укрыться в тени ветвей пинии. Максимус повел ушами и настороженно прислушивался к окружающим звукам. Булькала вода, накатывая на пирс, вдалеке слышались крики чаек. Со спины раздалось еле заметное шуршание, и перед Тобиасом возникли две фигуры, одетые в такие же черные одежды. Один сдвинул маску с лица и тихо сказал:

— В хижине мы заметили троих, — голос Маттиаса был

грубым и хриплым. — В зарослях у воды спрятаны телеги и мулы, — доложил он.

— Хорошо, — кивнул Тобиас. — Нас не должны заметить, — так же тихо сказал он. — Задача — выйти на заказчика товара. Если при этом задержим и команду корабля, отлично.

Подчиненные кивнули и натянули маски. Бесшумно они пробрались через заросли тамариска у воды и начали наблюдать. Стемнело быстро. На небо вышла полная луна, хорошо освещающая пейзаж. Небольшое суденышко без огней причалило к пирсу почти бесшумно. На берегу тут же появилась возня: не дожидаясь, пока моряки перебросят сходню, на пирс взбежал крупный мужчина. Он свистнул, и из темноты вынырнули телеги, запряженные мулами.

Взгляд Тобиаса скользнул в сторону, где вдали от разгрузки стоял щуплый человек в длинном плаще. Насколько позволяло зрение, одет он был точно не для грязной работы. Он указал на него своим помощникам, и они понимающе кивнули.

Переглянувшись и договорившись условными знаками, они начали движение. Грузчики не заметили, как позади них возникли три черные тени. Зазвучали приглушенные удары, и все стихло.

Главный грузчик, который следил за разгрузкой, недовольно вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что происходит на берегу.

— Что вы там, остолопы? Пошевеливайтесь!

Следующую фразу он не успел договорить: его рот обхватила рука в перчатке и крепко приложила к затылку. Грузное тело обмякло и сползло на пирс.

Двое побежали по мостику на корабль, и оттуда послышались крики и лязг оружия. Тобиас повернулся и вовремя увидел, как их главный подозреваемый сломя голову ломится сквозь колючий кустарник. Он не утруждал себя погоней. Снял со спины арбалет и прицелился. Стрела вонзилась точно в дерево, пришивив беглеца в плаще. Его испуганный крик разнесся эхом по бухте.

— Тонко сработано, — хмыкнул Маттиас, появляясь рядом с Тобиасом.

Тот скучаяще убрал оружие на место и взглянул на помощника:

— Все в порядке. Груз, — помощник кивком указал на мешки, часть из которых успели погрузить в телеги.

Тобиас подошел ближе и вспорол первый мешок. Там оказался корень мандрагоры. Пока его помощники заковывали в кандалы нарушителей, он оглядел остальные. Здесь было не только это весьма редкое и, конечно, запрещенное растение, но и когти грифонов, пыльца златовласки и сушеные глаза жука-носорога, чей порошок наделял необычайной силой и выносливостью. Он часто использовался для создания эликсира для телохранителей и солдат. Тобиас недовольно

рыкнул. Этот порошок больше был распространен на севере, где не стихали войны между гильдиями. Кому же в Савере понадобилось создавать свою армию? А этого количества хватит на это дело за глаза.

Он вздохнул и поднял глаза на звезды. Иногда ему казалось, что он ведет бесконечную борьбу и вместо одного арестованного появляются трое, как грибы после дождя.

Маттиас толкнул связанного задержанного под ноги Тобиаса. Нарушитель поднял голову, и наравне со страхом его глаза светились хитростью. Инспектор не узнал этого человека и недовольно свел брови. Бледное, скуластое лицо с острым носом, блеклые, мышиного цвета волосы.

— Браво, вы застали нас врасплох, мессер инспектор, — мужчина склонил голову. — Стоять всю ночь у этого пирса — дело нервное и опасное. Но может, мы сможем с вами решить этот вопрос без лишней бумажной волокиты? Я могу осыпать вас золотом с головы до ног в благодарность за ваш бдительный взгляд. — Он подполз на коленях ближе, зашуршала галька. Помощники Тобиаса напряглись рядом с ним и переглянулись. Задержанный, ободренный такой реакцией, начал петь не хуже соловья: — И я не преуменьшаю. Я буквально могу вас осыпать золотом. И мы забудем сегодняшний вечер, как дурной сон. Идет?

Тобиас стянул с себя маску, и задержанный тоскливо вздохнул и прошептал:

— О, нет...

— Итак, посмотрим, — Тобиас медленно обошел груз, — в соответствии со статьей 7.4 Устава магического правопорядка вам вменяется в вину следующее: незаконное присвоение и перевозка магических ресурсов, относящихся к запрещенным видам. Незаконная добыча вышеупомянутых ресурсов без соответствующей лицензии. — Он остановился и оглянулся на задержанного: — Лицензии ведь нет? — Тот покачал головой, и Тобиас продолжил: — Попытка ввоза на территорию Савера магических веществ, не прошедших санитарно-магический контроль, и сокрытие доходов от незаконной магической деятельности и уклонение от уплаты пошлин и сборов. — Тобиас замолчал и подождал, пока Маттиас закончит фиксировать за ним протокол.

— Капитан, — кашлянул он и указал на стоящего на коленях задержанного.

— Точно, — согласился инспектор. Его голос зазвучал тише и с заметной угрозой: — И попытка подкупа должностного лица магического правопорядка.

С лица задержанного ушли все краски, и он уронил голову на грудь.

— На основании вышеизложенного весь груз подлежит немедленной конфискации и уничтожению огнем.

Тобиас достал из карманов формы склянку с белым, густым маслом и окропил мешки. Затем точным движением высек искру кремнием, и товар вспыхнул ослепительным серебристым пламенем, заставляя всех присутствующих от-

вернуть головы и освещая бухту. Пламя с шипением и треском за считанные секунды обратило содержимое в пепел, не распространяясь дальше. Стало темно и тихо. Налетевший ветер развеял пепел, понеся его к воде.

— Увести задержанных, — приказал Тобиас, не отрывая взгляда от кружащейся в воздухе магической пыли.

Глава 5.

«Искусство травницы не в том, чтобы варить зелья, а в том, чтобы видеть потенциал там, где другие видят лишь сорную траву».

Слова Деборы Гольдберг

Этот день начинался как обычно. Ханна сходила к фермеру и посмотрела, что произошло с коровой. Как оказалось, бродящая трава была ни при чем. Вздутие живота было вызвано поеданием неправильно заготовленного овса. Тот покрылся плесенью от влажности. Фермер вздыхал. Теперь придется избавиться от урожая, но он сердечно поблагодарил Ханну за помощь. Девушка с сожалением смотрела, как его работники грузят овёс и сбрасывают в сточную яму, но не могла вернуть ему изначальные свойства.

На редкость для Савера день выдался пасмурный. Все утро небо было затянуто тучами, дул пронзительный ветер, в котором явно чувствовалось приближение шторма. Только девушка успела закрыть за собой дверь в лавку, как хлынул ливень и застучал по черепичной крыше. Ханна бросилась закрывать окна, чтобы дождь не замочил ростки бегонии. Грянул гром таким мощным раскатом, что заложило уши. Обезумевший Шай заметался по лавке и в конце концов залез под прилавок, поглядывая оттуда круглыми желтыми глазами. Ханна посмеялась, сняла плащ и заварила чай.

В такую погоду, скорее всего, не нужно ждать посетителей, но она все равно зажгла фонарь на входе. Она листала гримуар бабушки, дополняла его своими заметками и попивала чай. Дебора Гольдберг была поистине мудрой женщиной. У нее находилось слово и совет для каждого. И сейчас, когда ее не стало, ее гримуар был единственной возможностью услышать ее голос.

Она записала свой последний рецепт и отошла в кабинет, чтобы спрятать книгу. Она задержалась там, когда услышала звон колокольчика на двери.

— Сейчас иду! — крикнула Ханна.

Она на ходу повязала фартук и вышла в зал, но когда увидела высокого мужчину в плаще, стоящего к ней спиной, то немного озадачилась. Он разглядывал горшки на подоконнике и не походил на ее обычного клиента. С плаща капало, и на полу собрались лужицы.

— Чем могу помочь? — окликнула девушка.

Тобиас оглянулся, и его взгляд пробежался по молодой травнице за прилавком. Он, как пес, помотал головой, чтобы стряхнуть влагу с волос, чем вызвал легкую улыбку у Ханны.

— Добрый день, сеньорита. — Он широко шагнул вперед и встал перед Ханной. — Я инспектор Кац.

Он не протянул руки, лишь сухо склонил голову. Теперь он стоял ближе и был так высок, что Ханне пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть в его глаза. Они были суровыми и усталыми, но где-то в глубине читалась спрятан-

ная теплота. Их цвет был сложным и красивым, и Ханна заблудилась в переливах коричневого и зеленого.

«Как цвет молодого орешника», — подумала она.

Инспектор что-то говорил, но Ханна прослушала.

— Простите, что?

Он вперил в нее недовольный взгляд, и Ханне показалось, что он борется с желанием закатить глаза.

— Я пришел провести проверку. Вы же получили мое уведомление? — с сомнением в голосе спросил он.

Ханна перевела взгляд на его грудь, где под плащом виднелась темно-синяя форма, и все встало на свои места.

— Да... — неуверенно протянула она. — Что-то такое припоминаю.

Она наклонилась и порылась под прилавком. Там была кипа бумаг, ее наброски идей для зелий, случайные заметки про те или иные свойства растений. Наконец она выужила желтый плотный конверт с печатью инквизиции, следами воска и жирным пятном от оливкового масла.

— Вот оно! — она протянула бумагу инспектору, но тот лишь посмотрел на смятый грязный конверт и убийственно ответил:

— Отлично.

Ханна продолжала лучезарно улыбаться, несмотря на суровый взгляд инспектора. Он так внимательно смотрел на нее, что ей стало не по себе. Будто своим взглядом он просветил до самого нутра и увидел абсолютно все. Каждый мо-

тив и каждую мысль, которую она могла подумать, или даже ту, которая была в зачатке. Стараясь не подать вида, какие чувства пробудил у нее этот взгляд, она спросила:

— И с чего начнем?

Тобиас обвел взглядом полки, на которых плотными рядами стояли различные отвары, колбы, пузырьки, пучки трав и мешочки с порошками, и его лицо перекосилось. Здесь не было никакой системы. Он уже видел, что отвар от изжоги стоял рядом с мазью для заживления ран. Мало того что в этом бардаке невозможно было ориентироваться, так еще эти вещества не рекомендовалось хранить вместе. Мазь определенно содержала в своем составе ведьмин орех, а тот выделял токсичные пары.

Он покачал головой. Предстояло много работы. Повесил плащ, взял папку с документами и открыл первый лист протокола, собираясь делать опись снадобий.

Он начал с первой полки и методично описывал каждый пузырек: его название, состав, действие и количество. Ханна сначала выжидающе стояла за его спиной, пытаясь подсмотреть в бумаги, но потом ей это наскучило, и она облокотилась на прилавок и, подперши подбородок рукой, принялась подавлять зевоту.

— И вы собираетесь описать все, что есть в магазине?

— Угу.

— А потом?

— А потом проверю ваши документы. Что у вас есть все

необходимые лицензии, — не обращиваясь, ответил Тобиас.
— И вам не скучно?

Ханне показалось по затылку, что инспектор улыбнулся.
— Это моя работа.

Девушка поджала губы и отстала. Тобиас тем временем действовал быстро и уже переходил к следующей полке. Он читал составы и не мог не отметить ум и находчивость юной сеньориты. Большинство ее зелий были простыми, но эффективными. А некоторые побочные эффекты решались с такой элегантностью и изяществом, что он удивленно поднимал брови. Несмотря на хаос, все ингредиенты, как положено, были указаны на этикетках, что упрощало задачу.

Ханна решила помочь инспектору и стала доставать пузырьки с верхних полок, чтобы ему было сподручнее. Она потянулась за последним зельем, но то стояло в глубине, и ее пальцы лишь цепляли гладкое стекло. Тогда она почувствовала спиной, как что-то теплое и твердое прижалось к ней. Пальцы инспектора задели ее, и ей показалось, что их обожгло огнем. Она вскинула голову и встретила с теплыми глазами инспектора. Его щеки залила краска, и он, кашлянув, отступил, ставя пузырек на стол.

Девушка старалась скрыть, как ее сердце бешено заколотилось, и спрятала дрожащие руки за спину, радуясь, что скрип перьевой ручки заглушает ее частое дыхание.

Все остальное время она старалась держаться подальше

и принялась связывать пучки шалфея, чтобы чем-то занять руки. Инспектор записал последний препарат в протокол и устало потер переносицу. Его каштановые кудри упали на лоб, и Ханне захотелось подойти, откинуть их и зарыться пальцами в эту шевелюру, погладить по голове и снять усталость. Она ужаснулась собственным желаниям и поспешила отвести взгляд.

— Что ж, — Тобиас наконец оторвался от бумаг и посмотрел на девушку. — Здесь мы закончили. За исключением некоторых рекомендаций по хранению, у меня нет замечаний. Но, конечно, полный отчет я предоставлю позже, как закончу проверку. — Он размашисто расписался в протоколе и спрятал бумагу в папку. — Показывайте документы.

Ореховые глаза скользнули по Ханне и задержались на ее губах. От того, с какой интонацией была сказана последняя фраза, Ханну бросило в жар. Показалось, что он приказал ей раздеться. Она изумленно похлопала глазами, пока до нее дошел истинный смысл слов, и провела его в кабинет.

Инспектор шел за ней, и когда Ханна отошла в сторону, он увидел царящий там хаос. Из него вырвался приглушенный стон.

— Во имя всех святых реликвий! — воскликнул он себе под нос.

— Вы что-то сказали?

— Просто мысли вслух, — промямлил Тобиас и постарался аккуратно протиснуться между котлом и стопкой схем

и книг, которые были уже такой высоты, что опасно наклонились над котлом.

— Сейчас я освобожу вам место, — Ханна смахнула просыпанные семена с кресла и убрала одну стопку книг подальше, освобождая пространство на столе.

Тобиас присел на краешек кресла и с любопытством окинул стоящие в ряд пузырьки.

— А это что? — он указал на них.

Ханна проследила за его взглядом.

— Здесь есть опытные образцы и свежие отвары для пополнения запасов.

Он взял один из пузырьков.

— «Средство избавит вас от видимых морщин и первых признаков старения», — зачитал он информацию на этикетке. — Это правда?

— Люди хотят верить и не хотят стареть, — Ханна пожала плечами. — Но я не имею привычки обманывать своих покупателей, — добавила она.

— Хорошо. А что бы вы посоветовали мне?

— Вам?

— Ну да. Средство от прыщей, язвы...

— Микстуру из цветков жасмина, чтобы улучшить цвет лица. Бумажная работа никому не идет на пользу.

Она невольно засмотрелась на лицо инспектора. Выглядел он подтянутым и не сутулился, а лицо было загорелым, словно он проводит много времени на свежем воздухе. Не

похоже, что он корпел над бумажной работой, скорее походил на охотника, проводящего много времени в седле.

Он взял баночку из темного стекла, открутил крышку и принялся.

— Пахнет приятно.

Ханна промолчала. В средство она добавила болотную ряску. И говорить об этом инспектору не собиралась. Там была небольшая отдушка из цветков жасмина, но назвать этот запах приятным язык не поворачивался. В лучшем случае пахло травой.

У капитана странные вкусы. Он положил несколько бронзовых монет на стол и спрятал флакон в кармане формы.

Ханна положила перед ним стопку разрешительных бумаг и лицензий и занялась поливом растений, пока инспектор скрипел пером и сверял даты на документах. Прошло несколько часов, она уже выманила Шая из-под прилавка и устроилась на кресле, ожидая, когда Тобиас закончит работу.

После изучения документов он разложил их аккуратными стопками, закончил писать и уже собирался встать из-за стола, когда его взгляд привлекло алое свечение из одного горшочка. Он приоткрыл крышку и замер. Его взгляд стал абсолютно ледяным.

— Сеньора Гольдберг. Вы можете предъявить лицензию на добычу и хранение объекта категории «Альфа», каковым является цветок папоротника?

Ханна, уже клевавшая носом, подорвалась с кресла. Недовольный Шай с визгом полетел на пол.

— Эмм... — протянула девушка, что говорило красноречивее всех слов. Ореховые глаза опасно сузились. — Вы знаете, какая тут получилась история, — неловко засмеялась девушка. — Я подала заявку, но она находилась на рассмотрении, а день цветения приближался. И я не могла упустить такую возможность, — она сглотнула, — знаете же, каковы шансы добыть цветок. Я и не думала, что у меня получится, — почти шепотом закончила Ханна.

— Но получилось, — холодно констатировал инспектор. — Тогда, согласно Статье 10.5 Устава, я обязан изъять нелегализованный магический артефакт. Процедура предусматривает наложение штрафа и временную приостановку деятельности вашей лавки до выяснения всех обстоятельств.

На последних словах Ханна оторвала взгляд от своих рук и посмотрела на Тобиаса. На ее зеленые глаза набежали слезы, но она не позволила им пролиться. И надо же было забыть об этой заявке! Ну что поделать, сама виновата. Она лишь кивнула и подошла расписаться в протоколе.

Тобиасу почему-то стало не по себе, когда он увидел, как она расстроилась. Что за чушь! Он выписывал запреты и более привлекательным нарушительницам, но их слезы не трогали его.

— Извините, — хрипло сказал он. — Я постараюсь про-

вести расследование как можно скорее, чтобы вы вернулись к работе.

Ханна только посмотрела на него, но в ее взгляде светилась немая благодарность. Инспектор собрал вещи и вышел под проливной дождь в сумерках. В его душе тоже назревала буря, и это ощущение ему не понравилось.

Глава 6.

«Самый опасный обман — не ложь другого, а правда, от которой ты сам себя старательно оберегал».

Кодекс инквизитора

Тобиас протер запотевшее зеркало. Отражение ответило хмурым взглядом. Всю ночь бушевала буря, мешавшая ему заснуть. Он встал на рассвете, поупражнялся в фехтовании, а затем принял ванну.

— Ну надо же! Улучшить цвет лица, говорит, — еле слышно пробурчал Тобиас, припоминая слова сеньоры Гольдберг. — Хотя, может, она и права.

Он поворачивал голову из стороны в сторону, пытаясь поймать свет от лампы, и лицо действительно выглядело сероватым. То ли от недосыпа, то ли от скудного света в ванной.

Он вернулся в спальню и порылся в кармане формы, вытаскивая пузырек из темного стекла. На нем не было этикетки, не было указано ни способ применения, ни дозировка. Он откупорил крышку и принялся. Нос защекотал тонкий аромат спелой груши, пряность кедра и легкий запах дымка от печи. Если бы его попросили описать этот аромат одним словом, самое верное, что пришло бы на ум, — дом. Именно так пах дом: уютом и теплом, где тебя ждут и рады в любое время; спокойной радостью и ощущением любви за просто

так, а не за твои заслуги или выгоду, которую может принести твое присутствие. Он давно не испытывал этого ощущения и так растрогался, что в горле запершило.

Тобиас прокашлялся и вспомнил слова травницы: это микстура, а значит, жидкость нужно выпить. Он вздохнул и сделал большой глоток. На вкус она оказалась такой же, как и на запах: легкая сладость с нотками перчинки. Он поставил полупустой пузырек на стол и снова посмотрелся в зеркало. Пока его лицо не претерпело никаких изменений. Хотя, возможно, для действия отвара требовалось больше времени. А может, оно имело накопительный эффект? В любом случае, размышлять об этом не было времени.

Тобиас надел форму и отправился в конюшню. Сегодня его ждал день бумажной работы. Нужно было оформить протокол проверки сеньоры Гольдберг и отправить Джеремайю в Управление магической флоры и фауны проверить ее слова о подаче заявки на лицензию. Если бы осталось время, можно было бы заглянуть с проверкой еще к одному торговцу. У того ассортимент был гораздо меньше, и Тобиас не потратил бы на это много времени.

— Как ты, Максимус? — Тобиас похлопал коня по шее.

Максимус поднял свои огромные черные глаза и толкнул его в руку, вызывая у инспектора улыбку. Да, скучновато ему было торчать в загоне. Погонь и преследований у них давно не было, и он чувствовал, как конь голоден до быстрой езды и свиста ветра в ушах.

Пообещав Максиму исполнить его волю сегодня же, Тобиас оседлал коня и поспешил в здание инквизиции. Там царил суматоха, обычная для начала рабочего дня. Следы вчерашней бури остались в виде больших луж и размокшей дороги возле здания. По пути Тобиас также видел несколько деревьев, поваленных сильным ветром. Он поднял глаза к ослепительно голубому небу, на котором не было ни облачка. Вот так превратности погоды.

Он ответил на приветствия служащих, спешивших в здание, и ему захотелось пристыдить их за то, что они торопятся скрыться от красоты этого утра в серой каменной клетке. Самому же хотелось вдохнуть полной грудью свежий влажный воздух, послушать пение птиц и погреться в лучах солнца, выкинув все мысли и заботы из головы.

— Доброе утро, ваша светлость, — рядом раздался голос Джеремайи.

Тобиас открыл глаза и недовольно посмотрел на помощника, прервавшего его идиллию.

— Идемте? — неуверенно спросил парень, следя за взглядом Тобиаса и не понимая, чего ждет инспектор.

Тобиас вздохнул и позволил себя увести, но, идя по обычно темным коридорам, он почувствовал такую тоску, что его даже передернуло.

— А что если мы сделаем сегодня выходной?

Помощник споткнулся на ровном месте и поправил съехавшие на нос очки.

— Выходной? — тихо пискнул он, будто это слово было ругательством, и даже огляделся по сторонам, опасаясь, что их услышат. Но тут же хлопнул себя по лбу: — А-а-а, вы заболели, мессер? У меня есть отличное лекарство от моей бабки. Всего несколько капель...

— Да нет же, — отмахнулся Тобиас. — Я говорю о настоящем выходном. Можем взять лошадей, прокатиться до бухты и порыбачить. Приготовить рыбу на костре, послушать шум волн...

Джеремайя оттянул воротник формы и закашлялся. Он во все глаза смотрел на инспектора, словно у того на лбу выросли рога.

— Вы надышались спорами выюнка? — выдвинул он еще одно предположение.

Вдыхание эфирных спор этого растения вызывало приступ безотчетного легкого веселья и эйфории. Если это было так, то волноваться не о чем: эффект был быстрым и безвредным.

Тобиас замер от этих слов, и его желудок похолодел. С ним явно что-то было не так. Какие выходные? Какая рыбалка? Он не держал удочку лет десять, с тех пор как поступил в академию.

Он задумчиво потер подбородок и махнул помощнику, чтобы тот следовал за ним. Джеремайя выдохнул и округлил глаза за спиной у Тобиаса. Он немного испугался такого поведения инспектора. Что делать со злым, раздраженным

главой управления, он знал, но Тобиас, предлагающий взять выходной от бумаг и протоколов, поставил его в тупик.

Тобиас решил держать язык за зубами, пока не разберется, в чем дело, и сел за стол, доставая из папки заполненные вчера бумаги. Он нахмурился, читая протокол, так что брови сошлись на переносице. Джеремайя кинул взгляд на инспектора, и его волнение полностью улеглось: тот выглядел как коршун, отслеживающий мышь на распаханной пашне. Поэтому помощник отложил в сторонку брошюру «Что делать, если инспектор под магическим воздействием».

Тобиас переносил записи и подшивал материалы дела. Сегодня он то и дело оглядывался на стену позади себя, где по всем правилам должно было быть окно. Как никогда, ему не хватало солнечного света и дуновения свежего воздуха. Он зажег еще одну лампу. Это немного помогло. Он погрузился в бумаги и не заметил, как прошло несколько часов. Он оформил все документы по инспекции лавки сеньоры Гольдберг и поставил размашистую подпись.

— Как прошла вчерашняя проверка? — подал голос Джеремайя. — Обнаружили что-то запрещенное?

Тобиас машинально покачал головой:

— Все в порядке. Никаких замечаний.

Помощник вернулся к своим делам, а Тобиас, наоборот, поднял голову и уставился на парня невидящим взглядом. Рот пересох, руки задрожали. Он судорожно искал папку с делом травницы, которую уже отложил в сторону.

Он открыл протокол, и волосы на затылке встали дыбом, пока он читал то, что было выведено, без сомнения, его рукой:

Протокол плановой проверки субъекта магической деятельности

Субъект: Ханна Гольдберг, травница.

Место проведения: Лавка “Лунный котел”, Скрипучая улица, 7.

Инспектор: Тобиас Кац, Управление магического порядка.

Результаты осмотра:

Хранение компонентов.

Выявлено: Отвар от изжоги (категория 3-Б) хранится в непосредственной близости от мази для заживления ран (категория 2-А) на основной витрине.

Заключение инспектора: Проведена экспресс-проверка парообразования. В условиях данной лавки, при наличии постоянной циркуляции воздуха (дверь и окно открыты), концентрация летучих веществ от мази не достигает уровня, способного повлиять на свойства отвара. Нарушением не является. Рекомендовано для перестраховки разместить мазь на полку выше для улучшения вентиляции.

Наличие нелицензированного артефакта.

Выявлено: В подсобном помещении обнаружен объект, визуально сходный с цветком папоротника (категория “Аль-

фа”).

Заключение инспектора: Объект подвергнут визуальному осмотру. Магическая сигнатура объекта нестабильна и слабее эталонных показателей для цветка папоротника. Вероятнее всего, объект является алоцветом, не представляющим магической ценности и опасности. В соответствии с параграфом 4.11 Устава, не подлежит лицензированию. Изъятию не подлежит.

Общее заключение:

Заключение инспектора: Нарушений магического порядка, представляющих угрозу общественной безопасности, не выявлено. Субъект деятельности проявляет глубокое понимание свойств материалов. Оснований для приостановки деятельности или наложения штрафных санкций не имеется.

Подпись инспектора: _____

Вот те на те. «Не выявлено!» Прямо так и написал. От абсурда он даже засмеялся, а Джеремая, встревоженный, посмотрел на инспектора.

— Все хорошо?

Глава управления, смеющийся над протоколом, — не то, что хотелось бы увидеть. Тобиас махнул рукой, взял бумаги и крутанулся в кресле к стене. Он еще раз перечитал протокол, и его одновременно накрыли ужас и удовлетворение. Он нашел идеальное решение, чтобы соблюсти закон и в то же

время снять все обвинения с сеньоры Гольдберг. Для стороннего человека, читающего документ, не возникнет и мысли, что тут что-то не так. Наоборот, он даже как будто сделал больше, чем должен был.

Но в воздухе повис самый главный вопрос: зачем он это сделал? От этой мысли лицо Тобиаса стало каменным. Он приложил руку к пульсу и проверил сердцебиение. Оно было в норме. Потрогал лоб. Но не было и температуры. Ни щеiotки в носу, ни желания дергать всех проходящих мимо за нос. Его не тянуло петь во все горло. А это бы было, если бы он надышался спорами выюнка. Не было и других симптомов, которые явно указывали бы на магическое вмешательство. А оно определенно имело место быть! Не мог же он так, с бухты-барахты, списать все нарушения и закрыть на них глаза?

Все, что он хотел сделать сейчас, вернуться в “Лунный котел”, заглянуть в колдовские глаза сеньоры Гольдберг и спросить за микстурку, которой она его напичкала. Вот лиса! От этих мыслей в груди появилось радостное предвкушение и трепетание. Он еле заставил себя не вскочить с кресла и не кинуться в лавку тот же час. Он представлял, как посветлеют ее глаза, когда он сообщит, что не будет никаких штрафов и лавку не закроют.

Возможно, она даже отблагодарит его, и тут мысли Тобиаса потекли в совсем не невинном направлении... Он резко вздохнул, и сладкие грезы о том, как он касается мягких губ

цвета клубники, растаяли как дым. Он помотал головой, отгоняя неправильные мысли. Его снова накрыла ярость, так что руки затряслись. И теперь он встал с кресла, намереваясь спросить с сеньоры Гольдберг за все.

Кинув помощнику, чтобы сегодня его не ждал, он вылетел из кабинета, громко хлопнув дверью.

Глава 7.

“Помни, милая. Каждое волшебство и каждое зелье несет последствия. И некоторые из этих последствий тебе не понравятся”.

Слова Деборы Гольберг

Шай ткнулся мордочкой в лицо Ханны. Девушка отмахнулась и накрылась одеялом с головой, скрываясь от ненужного вторжения. Тогда кот сел ей на спину и начал топтаться, запуская в кожу коготки сквозь одеяло.

— Перестань! — рыкнула девушка. — Мне незачем вставать в такую рань. Лавку все равно закрыли.

— Мяу! — взревел Шай. Открыта или закрыта лавка, ему было до кошачьей матери. Его волновало отсутствие завтрака.

Ханна со стоном поднялась и спустилась на кухню, чтобы покормить кота. Пока Шай громко чавкал и облизывался, поглощая нежнейший паштет, хозяйка заварила себе чай и смотрела в окно с отсутствующим видом.

Она вспомнила вчерашний день, холодное и злое выражение лица инспектора, и поежилась, кутаясь в шаль, которую накинула на плечи. В погоне за этим дьявольским цветком она забыла о лицензиях и разрешениях. А уж сеньор Зильберман точно подготовился! И кто теперь остался в дураках?

Она резко вздохнула и вспомнила, что помимо закрытия лавки еще нужно было выплатить штраф. Руки девушки задрожали, и она крепче обхватила горячую чашку. Страшно было подумать, сколько лир придется выложить. Она жила экономно, а лавка приносила стабильную прибыль, но, зная сумму штрафов, ей придется в любом случае залезть в накопления. По ее лицу скатилась одинокая слеза и растворилась в чае.

Если к этому и прибавить, что ее лавку закроют на неопределенный срок, то восстановить положение быстро точно не получится. Ханне стало горько. Если бы бабушка была жива, этого бы никогда не случилось. Она была аккуратна и внимательна. И все продумывала наперед. Ханна же больше жила моментом, не заглядывая в будущее. И теперь ей было стыдно, что она так подвела свою любимую родственницу и запятнала ее добрую память. Слава о том, что она ведет дело нечисто, быстро разнесется по Саверу, здесь не было сомнений. Конечно, некоторые клиенты останутся, но доверия к ней, как к травнице, больше уже не будет. Люди могут подумать, что она кладет в их снадобья запрещенные вещества или подсовывает пустышку.

От этих настроений оранжевые цветки сердечника на подоконнике поникли. Девушка открыла окно, чтобы плохие мысли не задерживались и не иссушили растения. А чтобы чем-то отвлечься (а то все растения в лавке грозились зачахнуть), начала уборку. Она смочила тряпку отваром из зве-

робоя и полыни, который оберегал и очищал пространство, и начала протирать пузырьки и колбы. Сначала в самой лавке, а как закончила там, перебралась в кабинет. Разложила документы, как ее учила бабушка. Хотя, по правде сказать, просто переложила в отведенное место, потому что они уже и так были разобраны внимательным инспектором. Вымыла до блеска колбы, закрутила крышки на всех баночках с порошками, расчистила стол.

Ее взгляд упал на горшок со злосчастливым цветком. Инспектор его не конфисковал и не уничтожил. На мгновение она замерла. Что же ей делать? Уничтожить самой или сдать в министерство магического правопорядка? Он же так и не сказал... Почесав бровь, девушка решила пока оставить все как есть. Вдруг если уничтожит, он подумает, что она его перепрятала? Пусть разбирается сам или его помощники, которые точно придут сегодня опечатывать лавку.

Она тщательно подмела и помыла полы. Оставила только паутину под потолком, потому что использовала ее для зелья, которое отваживало пристающих ухажеров, и не чистила котел. В чистом котле невозможно сварить хороший отвар.

Она оглядела непривычно убранное помещение. В солнечном свете, который струился из окна, танцевали золотые пылинки, растения распушили свои стебли, вытянулись и слегка звенели.

Ее подмывало творить, но она не стала рисковать и вместо

своего кабинета отправилась на кухню. Там ее дожидалась корзина груш, подаренная фермером. Как раз можно было заняться своим вторым любимым делом. Она почистила и нарезала груши. Пока месила тесто на ржаной муке, зажгла печь. Огонек весело трещал и поглощал березовые бревна.

“Угольки потом можно использовать для снадобья от отравления”, — подумала Ханна.

Груши залила сиропом и добавила в него свежий розмарин и зерна кардамона, чтобы вкус получился пряным и согревающим. Выложила тесто в форму и добавила сверху начинку.

Пока пирог выпекался, от скуки она занялась вязанием, которое забросила прошлой зимой, когда было мало работы. Тут-то и раздался громкий стук в дверь. Ханна вздохнула и приготовилась к веренице инспекторов, которые опечатают ее лавку и нанесут на дверь черный крест, который продержится до тех пор, пока она не получит разрешение на работу.

Она открыла дверь, но вместо делегации в лавку ворвался инспектор Кац. Он выглядел таким разъяренным, что Ханне показалось, будто у него валит дым из ушей.

Глаза Тобиаса нашли травницу, и тут же его лицо разгладилось, а гримаса ушла. Он повел носом и сказал:

— Вкусно пахнет.

— Пирог! — охнула Ханна и поспешила на кухню доставать выпечку, пока та не подгорела.

Она поставила противень на каменный стол, обернулась и

испуганно ойкнула, потому что инспектор находился прямо за ее спиной. У него снова был хмурый вид: губы поджаты и превратились в тонкую линию, на скулах ходили желваки, на лбу вздулась вена. Ханна поежилась.

— Ничего не хотите мне рассказать? — вкрадчиво спросил Тобиас, наклоняя голову.

Ханна сглотнула и непонимающе обвела взглядом кухню.

— Э-э-э, нет?

— Что за микстуру вы мне вчера продали?

Ей показалось, что инспектор хотел схватить ее за грудки, но еле сдержался.

— Ну, как, для свежего цвета лица... — она посмотрела на физиономию Тобиаса. Серым оно точно не выглядело. Скорее румяным, как поджаренный пирог на столе. Но что-то ей подсказывало — это не действие зелья. — А что-то не так? — она невинно похлопала глазами.

— Все, — прорычал Тобиас.

— Опишите симптомы, — Ханна махнула рукой. — Может быть, у вас аллергия на какой-то компонент. — Она спрятала глаза. “Надо было все-таки сказать, что там болотная ряска.”

Тобиас удивленно вскинул брови. Это было разумно. Почему он сам не подумал об этом? Он успокоился и сел на краешек стула.

— Хм, скажем так, — он кашлянул в кулак. — Мне стало душно в кабинете, хочется выйти на улицу, прогуляться,

порыбачить. Надоело сидеть взаперти здания инквизиции.

Ханна внимательно слушала, и ее брови скептически сдвинулись. И что же тут такого? Обычные желания. Она озвучила это вслух.

— Не для меня, но самое главное вот, — Тобиас встал и достал из кармана формы протокол и положил его перед Ханной.

По мере того как она читала документ, ее лицо светлело, и под конец она подняла глаза на Тобиаса, и на ее лице расплылась неуверенная улыбка.

— Это правда? Лавку не закроют?

Тобиас стоял с ошалелым видом и не мог оторвать от нее взгляда. Он кивнул. Если бы она попросила сжечь устав магического правопорядка, он бы тоже кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.